

Конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго года должны были навести нѣкоторое уныніе на систематическихъ враговъ суда присяжныхъ. Такихъ приговоровъ, которые можно было бы обратить въ орудіе борьбы противъ ненавистнаго учрежденія, не было постановляемо вовсе—за то не было недостатка въ вердиктахъ, прямо говорящихъ въ пользу существующаго порядка. Дѣла о хищеніяхъ въ скопинскомъ и сапожковскомъ городскихъ банкахъ, дѣло Свиридова (при вторичномъ разсмотрѣніи его въ кіевскомъ окружномъ судѣ), недавно рѣшенное въ Москвѣ дѣло о поджогахъ застрахованныхъ барокъ, доказывали, одно за другимъ, способность присяжныхъ разобратся въ массѣ самыхъ запутанныхъ данныхъ и вывести изъ нихъ справедливое рѣшеніе, не погрѣшающее ни излишнею снисходительностью, ни излишнею строгостью. Къ длинному ряду этихъ доказательствъ присоединилось теперь еще одно, чуть ли не самое яркое—приговоръ по таганрогскому таможенному дѣлу. Была, правда, сдѣлана въ одной газетѣ попытка извлечь изъ него поголовное обвиненіе русскихъ присяжныхъ въ непоследовательности, въ „сантиментальности“ (!), „обыкновенно (!!) заглушающей логику и уваженіе къ общественнымъ интересамъ“; но эта попытка встрѣтила отпоръ, и отпоръ побѣдоносный, на страницахъ той же самой газеты. По свидѣтельству „юриста“, присутствовавшего, съ начала до конца, при разборѣ таганрогскаго дѣла въ харьковской судебной палатѣ, присяжные, въ продолженіе двадцати-трехъ дней остававшіеся отрѣзанными отъ міра, употребившіе цѣлыхъ три дня на разрѣшеніе предложенныхъ имъ 1315 (!) вопросовъ, „выдержали этотъ искусъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ, посвящая дѣлу неослабѣвающее вниманіе, не упуская изъ виду ни одной, хотя бы самой мельчайшей подробности, все отмѣчая въ розданныхъ имъ судомъ для замѣтокъ книжкахъ, не обнаруживая никакой нервности даже тогда, когда казалось, что процессъ затягивается до безконечности, что онъ превращается въ какое-то скучное засѣданіе технического общества“. Обвинивъ всѣхъ главныхъ подсудимыхъ, какъ изъ числа чиновниковъ, такъ и изъ числа купцовъ, присяжные оправдали остальныхъ не потому, чтобы истощили весь наличный запасъ энергіи, а вслѣдствіе вѣскихъ причинъ, оцѣнка которыхъ требовала бы подробнаго изложенія обстоятельствъ дѣла. Неудивительно, что въ виду такихъ фактовъ умалкаютъ обычные выходы противъ суда присяжныхъ—но имъ на смѣну выдвигаются тотчасъ же новые способы борьбы. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появляются двѣ статьи „бывшаго присяжнаго“, въ которыхъ вопросъ о достоинствѣ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными, разсматривается съ математической точки зрѣнія, въ связи съ теоріей вѣроятностей.